

Николай Васильевич Нарышкин родился на берегах Суры, в селе Кадышево (Покровском) Карсунского района в крестьянской семье Василия Ивановича и Анны Михайловны Нарышкиных. Много лет он был профессором Казанского государственного технического университета им. А.Н. Туполева. Действительный член Российской академии гуманитарных наук, почётный профессор Института культуры мира (ЮНЕСКО), член Союза писателей России, заслуженный работник культуры РФ и Татарстана. Награжден Почетным знаком Ульяновской области «За веру и добродетель», медалью Татарстана «За доблестный труд». Труды Н.В. Нарышкина имеются во многих библиотеках России. Национальная библиотека Чувашской Республики составила каталог произведений писателя, в его перечне – 900 книг и публикаций. В библиотечных фондах, кроме бумажных носителей, имеются электронные книги, видео- и аудиозаписи произведений. В книге «Кадышевский эпос» (Казань: Матбугат йорты, 2002. – 507 с.) Николай Нарышкин с восторгом и любовью рассказывает о песенном прошлом своей малой родины.

«Душа вздымалась от восторга...»

Отрывок из книги
«Кадышевский эпос»

Вокруг моего отчего края – присурского Кадышева – мне всегда видится божественная игра света, а из песенного прошлого я непрерывно слышу раздольное пение гармошек, балалаек талантливейших кадышевских людей. Вплоть до 1960-х годов летними вечерами и на праздники все мое Кадышево пело и плясало. В те переполненные радостью жизни минуты кадышевская душа вздымалась от восторга. Каждый гармонист был неповторим, у каждого была своя изумительная манера игры. Вспоминаю очаровательную игру братьев Николая и Василия Ваулиных, братьев Ивана и Николая Ахлупиных, Николая Лагунина, Ивана Прошина, Нико-

лая Навдаева, Гриши Чиканова, Вани Шилина. Да разве всех знаменитых гармонистов перечислить! Особенно восторгался в 1940–1950-х годах своим неповторимым пением сельский соловей Леня Свитов (Пячин)... А как чудесно плясали кадышевские молодые женщины и девочки! Образовывался у какой-нибудь избы круг из девчат и парней во главе с гармонистом. Он залихватски играл, а девушка припевала: «Ой, подружка моя Маня, выходи и выходи, кто над нами насмеется, ты на это не гляди...» Самой большой сцены России были достойны Иван Шигаев, Николай Ахлупин, Николай Трузин, Мария Алешина. Вот у Марии Яковлевны был голос так голос!

На праздники народ гулял артелями, объединяясь по умению совместно веселиться, душу отвести, друг перед другом высказаться. В центре гулянья были, конечно, песни и пляски. Ведущим в песнях был запевала, которому стройно подтягивали все остальные. Ох, как же задушевно пел кадышевский народ песни: «Посеяли огурочки...», «Ой, мороз, мороз...» и многие другие. Продолжает и сейчас звучать в моей душе песня: «Скакал казак через долину, через маньчжурские края...» Вот бы все это записать и дать послушать нынешней России! Может быть, она и образумилась бы, встряхнулась и огляделась вокруг?! Возможно, и выздоровела бы от напущенного на нее дурмана?

Очаровывался я и пением своего Отца Василия Ивановича Нарышкина, у которого был прекрасный лирический тенор. Его голос звучал светло, заоблачно. Когда пел Отец, мне казалось, что вокруг все начало петь. Давно уже нет его рядом, а мне все слышится, как он в теплую июльскую ночь в своем саду под нежный, томный шелест яблонь тихо поет: «И припомнил я ночи другие, // И родные поля и леса, // И на очи, давно уж сухие, // Набежала, как искра, слеза». Василий Иванович любил петь русские песни под садовые природные мелодии. Бывало, мы и наши соседи по саду заслушивались льющей песней: «Колоколь-

чики мои, // Цветики степные! // Что глядите на меня, // Темно-голубые? <...> Мы летим во весь опор // К цели неизвестной! // Чем окончится наш бег? // Радостью ль? кручиной? Знать не может человек // – Знает Бог единый».

В минуты вдохновения около любимой своей яблони, что вольготно росла недалеко от садового колодца, Отец проникновенно напевал: «Однозвучно гремит колокольчик, // И дорога пылится слегка, // И уныло по ровному полю // Разливается песнь ямщика...». Не шелохнувшись, все, кто был в это время в саду, завороченно слушали нашего Отца, поющего любимую философскую песню гениального поэта Михаила Юрьевича Лермонтова «Выхожу один я на дорогу...» Эту песню я слышал в исполнении Лидии Руслановой, многих других именитых певцов, но и через десятилетия ее поет в моей душе только мой Отец.

«Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу, // И звезда с звездою говорит», – на этом месте Отец почему-то всегда останавливался, прерывал песню и на какие-то секунды погружался в свои думы. Находившаяся рядом моя жена Людмила Михайловна, обладающая удивительно красивым, чистым, звонким голосом, вдруг незаметно, осторожно, нежно прерывала паузу молчания и, одарив всех божественной улыбкой, вдохновенно продолжала: «В небесах торжественно и чудно! // Спит земля в сиянье голубом...». Отец, встрепенувшись, тут

же вступал снова, и они уже вдвоем с Люсей пели... А дальше подхватывали и Мама, и я, и сын Саша. Подпевали нашей семье и оказавшиеся в саду кадышане.

Частенько семейным хором с участием родных и друзей мы вдохновенно, под плеск сурской воды, мелодичное жужжание пчел, шелест яблонь и вишен пели мою любимую морскую песню (четыре года я служил на корабле в Советской Гавани на Тихоокеанском военно-морском флоте) «Раскинулось море широко...». А вот песню «Варяг» я исполнял один для взрослого сына Саши. Он ликовал от патриотических, полных высокой любви к Родине слов: «Наверх, вы, товарищи, все по местам! // Последний парад наступает! // Врагу не сдастся наш гордый «Варяг», // Пощады никто не желает!»

Нередко во время наших песнопений кто-нибудь из кадышевских виртуозов-гармонистов, коих в селе было больше сотни, подыгрывал. Посещали наш сад и балалаечники. Постоянным гостем был домашний старый патефон, который знакомил нас со знаменитыми певцами, аккордеонистами, баянистами, балалаечниками. Из патефона лились голоса Сергея Лемешева, Ивана Козловского, Федора Шаляпина, Лидии Руслановой, Людмилы Зыкиной.

Неземное чувство вызывала в наших славянских душах моя жена Людмила Михайловна своим очень русским исполнением песни «Издалека долго течет река Волга...». Моя милая жена была родом с берегов чудной русской реки Вятки, из древнего купеческого города Мамадыш. С тех пор, как я в 1964 году первый раз привел ее в родительский дом, Люся стала преданной кадышанкой-сурчанкой. И вот она ангельским голосом поет: «Среди хлебов спелых, // Среди снегов белых // Течет моя Волга...» Тут все мы, конечно, поворачивались к нашей Суре и прислушивались к плеску ее воды. «А мне семнадцать лет...» И каждый из нас, стар и млад, после этих слов мысленно возвращался в свое 17-летие. А песня летит дальше... «Издалека долго //, – вдохновенно продолжает петь Люся, – Течет река Волга, // Течет река Волга// – // Конца и края нет... // Среди хлебов спелых, // Среди снегов белых // Гляжу в тебя, Волга, // Седьмой десяток лет...» У сидевших на лужайке мужчин и женщин на глазах появлялись слезы по утраченным молодым годам, а

С земляками-карсунцами в Чебоксарах.

Творческая встреча в Национальной библиотеке Чувашской Республики. 15 октября 2010 года

Люся, как-то по-особому преобразившись, с пафосом продолжала: «Здесь мой причал, и здесь мои друзья, // Все, без чего на свете жить нельзя, // С далеких плесов в звездной тишине // Другой мальчишка подпевает мне...» Казалось, и сад, погруженный в чудное пение, никак не может освободиться от магической власти песни...

Поздним вечером, после заката солнышка, Отец, оказавшись в саду один на один с волшебным, рукотворным природным миром, любил чуть слышно напевать: «Вечерний звон, вечерний звон! // Как много дум наводит он...» От этих слов, с грустью тихо пропетых Отцом, в шумном, наполненном светом жизни саду воцарялась какая-то особая, тоской пронизанная тишина. Умолкали птицы и пчелы. Даже шелест листьев на садовых деревьях и кустарниках, на соседних тополях не был слышен. Отец сквозь эту тишину, уже неожиданно громко бросал в свой садовый оазис слова: «Лежать и мне в земле сырой! // Напев унылый надо мной // В долине ветер разнесет; // Другой певец по ней пройдет. // И уж не я, а будет он // В раздумье петь вечерний звон!» Потом Отец медленно, неслышно начинал ходить по погруженному в сумерки дремлющему саду, заглядывая в каждый его уголок, трогая одну за другой яблони, прислушиваясь к тихому жужжанию в ульях пчел. Пьянящий, настоящий на садовой зелени воздух успокаивал, умиротворял душу и провожал крестьянина, уставшего за долгие часы трудов, в уютную избу, на ночной отдых.

Вот в таком почти неизменном ритме шла жизнь Отца, начиная с 1959 по 1985 год. Это было время, наполненное глубоким смыслом бытия, своей нужности людям.